

УДК 347.41

О потребности российского гражданского законодательства в термине «смарт-контракт»: постановка вопроса

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук в рамках научного проекта МК-481.2020.6

«Позитивация смарт-контракта как нового института обязательственного права Российской Федерации, стимулирующего контрагентов к безопасному экономическому сотрудничеству, в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики»

Захаркина Анна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета.

Аннотация: Главной задачей, поставленной в рамках настоящего экспресс-исследования, является определение реальной потребности российского гражданского законодательства в термине «смарт-контракт». Анализируются этимологическое происхождение этого термина, возможность использования в ГК РФ его переводной версии – термина «Умный договор», а также перспективы имплементации иноязычного термина «смарт-контракт» с учетом новой редакции ч. 2 ст. 309 ГК РФ.

Ключевые слова: Смарт-контракт, блокчейн, цифровая экономика, обязательственное право, гражданское право.

В условиях стремительно развивающейся цифровой экономики в юридическом

терминологическом аппарате появились новые цифровые термины: блокчейн, токен, майнинг, криптовалюта, смарт-контракты, краудфандинг и т.д. Этимологические корни всех или, по крайней мере, большинства новых терминов – иностранные. Понимая значимость этих явлений для развития цифровой экономики, отечественный законодатель предпринял конкретные меры, направленные на имплементацию указанных явлений в российскую правовую действительность. Так, 20 марта 2018 г. депутатами Государственной Думы А.Г. Аксаковым, И.Б. Дивинским, О.А. Николаевым, членом Совета Федерации Н.А. Журавлевым был внесен в Государственную Думу РФ Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». [4] В этом Проекте были даны легальные дефиниции таких важных для цифровой экономики терминов, как майнинг, криптовалюта, токен, смарт-контракт и др. однако, как известно, этот Проект впоследствии претерпел существенные изменения.

В ходе реформы, направленной на цифровизацию гражданского законодательства, был принят Федеральный закон от 18 марта 2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». [5] Указанный нормативно-правовой акт впервые в истории российского гражданского права позитивировал цифровые права как новый объект гражданских прав, приравнял электронную форму сделки к письменной, внес определенные коррективы в общие положения об исполнении обязательств, которые и являются предметом изучения в рамках данной научной статьи. Речь идет о ч. 2 ст. 309 Гражданского кодекса Российской Федерации [6], согласно которой: «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки».

Как видим, ст. 309 ГК РФ не оперирует термином «смарт-контракт», хотя при этом новое правило ч. 2 ст. 309 ГК РФ, по мнению разработчиков данного закона, является достаточной нормой для применения «смарт-контрактов, никаких иных норм не требуется. [7]

Итак, главной задачей, которую хотелось бы решить в рамках настоящего экспресс-исследования, является определение реальной потребности российского гражданского законодательства в термине «смарт-контракт».

Этимологически термин «смарт-контракт» происходит от английского термина – «smart contract». В переводе с английского «smart contract» дословно означает «умный

договор». Это обстоятельство позволяет некоторым ученым выдвигать предложения о введении именно этого термина в ГК РФ – «Умный договор». Так, по мнению таких авторов, как Л.Г. Ефимова и О.Б. Сизимова, «глава 27 части первой ГК РФ должна быть дополнена новой статьей "Умный" договор", в которой следует отразить правовые особенности смарт-контракта». [1] Интересно, что, по мнению названных авторов, смарт-контракт является одновременно особой договорной конструкцией наряду с абонентским договором, рамочным договором и т.п., а также способом обеспечения исполнения обязательств.

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о правовой природе смарт-контракта, не давая оценку родовым и видовым признакам этого нового явления, что является предметом самостоятельного исследования, заметим, что при решении вопроса об имплементации термина «смарт-контракт» в отечественное гражданское законодательство важно понять, какую родовую природу законодатель готов ему придать. Дело в том, что с технической точки зрения, смарт-контракт вне всяческих сомнений является компьютерным алгоритмом. Однако определяя смарт-контракт через такое родовое понятие, как «компьютерный алгоритм», становится крайне затруднительным определение его места в пандектной системе российского гражданского законодательства. Очень важно найти «правовую сущность» смарт-контракта и именно с этой позиции подходить к вопросу о его родовой природе.

Как известно, отечественный законодатель не раз шел по пути имплементации иноязычных терминов в российское гражданское законодательство. Так, из последних изменений можно привести пример с договором условного депонирования (эскроу). С позиции этимологических истоков, слово «in escrow» в переводе с английского языка означает «на хранении у третьего лица до выполнения определенного условия». Как интересно пишет Л.В. Щенникова на этот счет: «не могу не признаться, что не нравится мне это иностранное слово "эскроу"». [3] Известны и другие примеры. Так, наряду с термином «финансовая аренда» используется термин «лизинг». Справедливым будет отметить, что Министерство финансов РФ предложило полностью изменить положения ГК РФ о лизинге. В 2018 году Проект изменений вынесли на публичное обсуждение. [8] Так, в ГК РФ хотят ввести новую главу «Финансовый лизинг».

Кроме того, в качестве синонима к договору финансирования под уступку денежного требования законодатель использует термин «факторинг».

И.А. Румянцев справедливо обращает внимание на проблему «семантически верного употребления терминов». Так, автор замечает, что «смарт-контракт и "умный" договор

(контракт) – суть одно и то же», однако затем автор отказывается от употребления термина «умный договор», поскольку «перевод термина (смарт-контракт) позволяет воспринимать его неправильно». [2]

Таким образом, резюмируем вышеизложенное и выскажем свое собственное мнение по поводу потребности российского гражданского законодательства в термине «смарт-контракт»:

(1) явление, которое именуется термином «смарт-контракт», уже имплементировано в российское гражданское законодательство в норме ч. 2 ст. 309 ГК РФ;

(2) на данный момент отечественное гражданское законодательство термином «смарт-контракт» не оперирует, что на наш взгляд, на данном этапе становления цифровой экономики препятствует повсеместному использованию правила ч. 2 ст. 309 ГК РФ: участники гражданского оборота опасаются, что отношения, возникшие из смарт-контракта, юридически не защищены и что суды при оценке этих отношений будут консервативно настроены;

(3) потребности в термине «умный договор», на наш взгляд, нет, поскольку этот термин некорректно отражает родовый признак исследуемого явления;

(4) гражданское законодательство уже оперирует иностранными терминами, которые прочно вошли в терминологический инструментарий: бояться иностранного термина «смарт-контракт» оснований нет;

(5) в настоящей научной статье лишь поставлен вопрос о потребности российского гражданского законодательства в термине «смарт-контракт»: это вызов к новым научным исследованиям и обсуждениям.

Список литературы

1. Ефимова Л.Г., Сиземова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 23–30.
2. Румянцев И.А. Блокчейн и право // Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: сборник статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. 528 с.
3. Щенникова Л.В. О новом договоре, подлежащем обязательному нотариальному удостоверению, с загадочным названием «эскроу» // Нотариус. 2018. № 2. С. 5–8.
4. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2020 г.).
5. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 18.03.2019).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 16.12.2019).
7. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации"» // [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.06.2020 г.).
8. О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования гражданско-правового регулирования лизинговой деятельности) [Электронный ресурс]. – URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=83902> (дата обращения: 01.06.2020).

{social}